

То же происходит и теперь въ нашемъ чловѣчествѣ при переходѣ, переживаемомъ нами, отъ языческаго жизнепониманія къ христіанскому. Общественный чловѣкъ нашего времени приводитъ самую жизнь къ необходимости отречься отъ языческаго пониманія жизни, несвойственнаго теперешнему возрасту чловѣчества, и подчиниться требованіямъ христіанскаго ученія, истинны котораго, какъ бы онъ не были извращены и перетолкованы, все таки извѣстны ему и одаѣ представляютъ разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ онъ путается.

Если чловѣку общественнаго жизнепониманія кажутся странными и даже опасными требованія христіанскаго ученія, то точно столь же странными, непонятными и опасными представлялись въ давнишнія времена дикарю требованія ученія общественнаго, когда еще онъ не вполне понималъ ихъ и не могъ предвидѣть ихъ послѣдствій.

«Неразумно жертвовать своимъ спокойствіемъ или жизнью», говоритъ дикарь, «чтобы защищать что-то непонятное и неосознаемое, условное: семью, родъ, отечество. и, главное, опасно отдавать себя въ распоряженіе чуждой власти». Но пришло время для дикаря, когда съ одной стороны, онъ, хотя и смутно, но понималъ значеніе общественной жизни, значеніе главнаго двигателя ея, общественнаго одобренія или осужденія — славы; съ другой стороны, когда страданія его личной жизни стали такъ велики, что онъ не могъ уже продолжать вѣрять въ истинность своего прежняго пониманія жизни, и онъ принялъ ученіе общественное, государственное и подчинился ему.

Точно то-же теперь совершается и съ чловѣкомъ общественнымъ, государственнымъ.

«Неразумно,» говоритъ чловѣкъ общественный, «жертвовать благомъ своимъ, своей семьей, своего отечества для исполненія требованій какого-то высшаго закона, требующаго отъ меня отреченія отъ самыхъ естественныхъ и добрыхъ чувствъ любви къ себѣ, къ своей семьѣ, къ родинѣ, къ отечеству, и, главное, опасно отвергать обезпеченіе жизни, даваемое государственнымъ устройствомъ».

Но приходитъ время, когда съ одной стороны — смутное сознаніе въ душѣ своей высшаго закона любви къ Богу и ближнему, съ другой — страданія, вытекающія изъ противорѣчій жизни, заставляютъ чловѣка отречься отъ жизнепониманія общественнаго и усвоить новое, — предлагаемое ему, разрѣшающее всѣ противорѣчія и устраняющее страданія его жизни — жизнепониманіе христіанское. И время это пришло теперь.

Намъ, пережившимъ тысячелѣтія назадъ уже переходъ отъ жизнепониманія живот-

наго, личнаго, къ жизнепониманію общественному, кажется, что тотъ переходъ былъ необходимымъ и естественъ, а этотъ — тотъ, который мы переживаемъ теперь эти послѣднія 1800 лѣтъ, — и произволенъ, и неестественъ, и страшенъ. Но это намъ кажется только, потому что тотъ переходъ уже совершенъ, и дѣятельность его уже перешла въ бессознательную; теперешній переходъ еще не оконченъ и мы сознательно должны совершить его.

Жизнепониманіе общественное входило въ сознаніе людей вѣками, тысячелѣтіями, проходило черезъ разныя формы и теперь уже взошло для чловѣчества въ область бессознательнаго, передаваемого наследственностью, воспитаніемъ и привычкой; и потому оно кажется намъ естественнымъ. Но 5000 лѣтъ тому назадъ оно казалось людямъ столь-же неестественнымъ и страшнымъ, какъ имъ теперь кажется ученіе христіанское въ его настоящемъ смыслѣ.

Намъ кажется теперь, что требованія христіанскаго ученія о всеобщемъ братствѣ, безразличіи народностей, объ отсутствіи собственности, о столь кажущемся страннымъ непротивленіи злу насильемъ — суть требованія невозможнаго. Но точно такими-же казались тысячелѣтія тому назадъ въ болѣе древнія времена, требованія не только государственныхныя, но семейныя, какъ напримѣръ: требованіе того, чтобы родители кормили дѣтей, молодые — старыхъ, чтобы супруги были вѣрны другъ другу. Еще болѣе странными, даже безумными казались требованія государственныхныя: чтобы граждане подчинялись поставленной власти, платили подати, шли на войну для защиты отечества и т. д. Намъ теперь кажется, что всѣ такія требованія просты, понятны, естественны и не имѣютъ въ себѣ ничего мистическаго и даже страннаго; но пять или три тысячи лѣтъ тому назадъ эти требованія казались требованіями невозможнаго.

Жизнепониманіе общественное потому и служило основаніемъ религій, что въ то время, когда оно предъявлялось людямъ, оно казалось имъ вполне непонятнымъ, мистическимъ и сверхъестественнымъ. Теперь, переживъ уже этотъ фазисъ жизни чловѣчества, намъ понятны разумныя причивы соединенія людей въ семьи, общины, государства; по въ древности требованія такого соединенія предъявлялись во имя сверхъестественнаго и подтверждались имъ.

Патріархальныя религіи обоготворяли семьи, роды, народы; государственныя религіи обоготворяли царей и государства. Даже и теперь большая часть малообразованныхъ людей, какъ наши крестьяне, называющіе царя земнымъ Богомъ, подчиняются законамъ общественнымъ не по разумному сознанію ихъ необходимости, не потому, что они имѣютъ понятіе объ идеѣ